

“Русский Пелам”: жанровый диапазон пушкинского замысла

Становление и эволюция Пушкина-романиста представляют собой процесс непростой и чрезвычайно интересный. Рано проявившаяся тяга писателя к этому эпическому жанру привела его к созданию романа поэтического. Начатый еще до работы над “Евгением Онегиным” путь к прозаическому роману продолжался вплоть до последних дней жизни Пушкина и, прерванный его смертью, так и остался незавершенным.

Первый набросок прозаического произведения из жизни русского света “Надинька” датирован 1819 годом, позднейшие фрагменты — 1835 годом¹. Работая над последними главами романа в стихах, поэт всерьез задумывался над прозаическим романом из жизни света. В 1830-е годы интерес к реалистическому воплощению светской жизни усиливается, и Пушкин составляет ряд планов, а подчас и набрасывает фрагменты прозаических произведений на эту тему. Среди них — наброски и планы романа, условно называемого “Русский Пелам”.

Внимание исследователей привлекают не только написанные Пушкиным две лаконичные главы, но также сохранившиеся четыре варианта плана романа. Судя по планам, “Русский Пелам” отличается от некоторых других набросков (таких, как, например, “L’homme du monde” или “Роман на кавказских водах”) более широким охватом российской действительности². Что касается двух написанных глав, то, думается, совершенно прав Л.С.Сидяков, полагающий, что это “всего лишь экспозиция романа”, поскольку “длительный приступ к действию” не характерен для прозы Пушкина³.

Имя героя — Пелам — употреблено в первом плане, хотя во втором оно встречается с русифицированным вариантом Пелымов, а в третьем плане известная английская фамилия уже полностью вытеснена русской про-

изводной. В любом случае источник не вызывал сомнений ни у кого: это роман известного английского прозаика Эдварда Бульвер-Литтона "Пелэм, или приключения джентльмена".

Говорить о сюжетной вторичности пушкинского замысла по отношению к бульверовскому источнику вряд ли правомерно. Еще С.Поварнин в своей студенческой (но вполне зрелой) работе почти столетней давности обратил внимание на единственную сюжетную деталь, которая могла быть заимствована русским писателем у британского современника⁴. В первой главе "Русского Пелама" герой повествует о своем отце: "Он вошел в связь с женщиной, известной в свете своей красотой и любовными похождениями. Она для него развелась с своим мужем, который уступил ее отцу моему за десять тысяч и потом обедал у нас довольно часто..."⁵ Это место вызывает ассоциацию с первой главой романа Э.Бульвера-Литтона, где рассказывается о том, как отец героя узнал об интимных сношениях своей жены с Сеймуром Конуэем, после чего ввел Конуэя в свой клуб и "в продолжение целого года два раза в неделю приглашал его к обеду"⁶.

Правда, саму ситуацию нельзя назвать столь уж исключительной ни для английского, ни для русского общества той поры. Вспомним хотя бы двенадцатую строфу первой главы "Евгения Онегина", написанную за несколько лет до бульверовского "Пелэма", с аналогичным мотивом:

Но вы, блаженные мужья,
С ним оставались вы друзья:
Его ласкал супруг лукавый,
Фобласа давний ученик,
И недоверчивый старик,
И рогоносец величавый,
Всегда довольный сам собой,
Своим обедом и женой⁷.

Однако в "Русском Пелама" пикантная ситуация воссоздана с такой конкретикой, которая не позволяет не заметить связи с английским источником. Впрочем, это единственный пример такого рода фабульных связей либо совпадений, если не считать разве что мотива столкновения между сводными братьями, намеченного в плане "Русского Пелама" и имеющего некоторую аналогию в книге Бульвера.

Несомненная общность может быть замечена между пушкинским замыслом и предваряющим текст бульверовского романа фрагментом "Мортимер, или записки джентльмена". Этот своего рода "Пра-Пелэм" представляет собой как бы сжатую экспозицию романа, слегка романизованную (в старых переводах — "семейственную") историю. Между тем, ограничивать роман семейными рамками ни Бульвер-Литтон, ни его русский современник отнюдь не стремились.

Зачины обоих произведений заставляют вспомнить о так называемом воспитательном романе (Bildungsroman). "Я единственный сын. Мой отец — младший отпрыск одного из самых родовитых графов Англии..." (с. 40).

Уже вторая глава романа Бульвера — а первые главы весьма лаконичны — начинается с того момента, когда десятилетнего героя отправляют в Итон, а третья глава — со времени, когда вполне взрослый герой покидает Кембридж. Таким образом, роман только начался, а собственно “воспитание” уже состоялось.

Совершенно аналогично три странички написанных двух глав “Русского Пелама” вбирают в себя все детство, отрочество и университетские годы героя. Как и у Бульвера, то, что в воспитательном романе составило бы главный предмет художественного изображения, здесь представало в максимально сжатой экспозиции, и с такой жанровой разновидностью, как *Bildungsroman*, ассоциировался разве что только зачин.

В одной из сравнительно немногих работ, специально по-священных “Русскому Пеламу”, можно встретить такое утверждение: “Жанровым прообразом пушкинского романа-эпопеи послужил роман английского писателя Э.Бульвер-Литтона “Пелам, или Приключения джентльмена”⁸. В этом утверждении целый ряд моментов вызывает сомнения. Несмотря на то, что по замыслу Пушкина, его прозаический роман должен был охватить широкий спектр явлений жизни русского общества, безоговорочно назвать несостоявшееся произведение “романом-эпопеей” вряд ли правомерно⁹. Спорно и то положение, что книга Бульвер-Литтона явилась *жанровым прообразом* “Русского Пелама”. Конечно, мы можем в обоих случаях говорить о “светском романе”, но таким образом констатируется лишь сходство темы (взятой, к тому же, крайне узко), но не жанровой структуры.

Еще С.Поварнин, который в уже упоминавшейся статье подробно писал об отличиях пушкинского замысла от романа Бульвера во многих художественных компонентах, отметил в то же время и главное сходство — в задачах и возможностях изображения жизни современного общества. Речь идет, по сути, о **нравоописательной** задаче, выполнение которой определяет содержательную доминанту **нравоописательного** романа.

Пушкин и сам признавался в 1836 году: “Оригинальные романы, имевшие у нас наиболее успеха, принадлежат к роду нравоописательных и исторических. Леса́ж и Вальтер Скотт служили им образцами, а не Бальзак и не Жюль Жанен...”¹⁰. Как образец нравоописательного романа фигурирует в высказывании Пушкина европейский роман XVIII века (Леса́ж), и это совсем неслучайно. Именно в Век Просвещения нравоописательный роман достиг наивысшего расцвета, причем сознательная жанровая установка писателей на создание широкой картины нравов своего времени не скрывалась, а наоборот — подчеркивалась. “*Mores hominum multorum vidit*” (“Видел нравы многих людей”) — такой эпитафия из Горация взял для своего “Тома Джонса” Генри Филдинг, как бы акцентируя не только свой жанровый выбор, но и распространенную тенденцию. И Бульвер, и Пушкин могли опереться на традицию нравоописательного романа XVIII века.

В событийной линии, которая обозначена в плане и должна была быть фабульным стержнем романа, есть и события исключительные: дуэли, любовные авантюры, душевные болезни и даже убийство. Возможно, на этом

основании такой знаток русского авантюрного романа, как В.Ф.Переверзев, обнаружил и в пушкинском замысле ядро авантюрного романа, при этом несколько преувеличивая роль полемики Пушкина с "Русским Жильблазом, или похождениями Ивана Выжигина" Ф.В.Булгарина¹¹. Конечно, в истории Федора Орлова, задуманной автором, есть элементы авантюрной прозы, которые особенно отчетливо выделяются в кратком конспекте; возможно, правда, что в подробном повествовании они были бы частично нейтрализованы описаниями событий иного рода. В любом случае авантюрный компонент вряд ли доминирует у Пушкина, как не доминирует он и в бульверовском "Пелэме".

А.В.Чичерин проницательно заметил, что "Бульвер мог заинтересовать Пушкина не только как романист, но и как теоретик романа..."¹². Сказано применительно к создателю "Пелэма" ("теоретик романа") не слишком сильно: вот ведь и один из любимых героев Бульвера Винсент утверждает на страницах книги, что "романист должен быть философом".

Можно сказать, что задумавший "Русского Пелэма" писатель не без воздействия автора исконного "Пелэма" обратился к просветительскому нравоописательному роману как жанровому источнику. Разумеется, интерес к нему зародился у Пушкина раньше и проявился как в критической эссеистике, так и в творчестве. Пример Бульвера-романиста только катализировал этот интерес.

Об избранной в данном случае повествовательной манере можно судить, очевидно, лишь по двум лаконичным главам. "Я начинаю помнить себя с самого нежного младенчества..." (с. 390), — начинает Пушкин свой роман в типичной мемуарной манере, заставляя вспомнить не только Бульвера, но и многих общих предшественников в западноевропейской прозе. С первой же фразы в произведении присутствует "готовый герой" (воспользуемся выражением М.М.Бахтина), который в ретроспективном ключе повествует о ранних этапах своей жизни. В выборе точки зрения повествователя можно обнаружить и воздействие стернианской манеры¹³, которая, однако, судя по первым главам и планам, никак не сказалась бы на композиции всей книги.

О Стерне вспоминаешь и тогда, когда пушкинская ирония прорывается наружу даже и в этих лаконичных, написанных от первого лица главках. Нельзя сказать, чтобы ирония была чужда стилю Бульвера-Литтона — отнюдь! — однако уже на уровне повествования (насколько, конечно, позволяют судить две пушкинских коротких главы) дает о себе знать существенная разница в художественных манерах автора "Пелэма" и его русского *соребнователя*.

Английский писатель в своих декларациях как бы сторонится аксессуаров предромантической и романтической прозы, но вместе с тем в романе сплошь и рядом прибегает к ним. К примеру, в шестой главе романа он утверждает: "Все романтическое мне глубоко чуждо" (с. 62) — однако в изображении кладбищенской атмосферы, пейзажа, страданий Гленвилла он остается, по сути, в плену романтической традиции. Можно найти в

“Пелэме” и другие примеры “романтически заштампованной экспрессивности”¹⁴

Между тем Пушкину стернианская (по своему генезису) ирония позволяет — по крайней мере, в написанных главах — преодолеть вполне закономерное, казалось бы, влияние предромантического и собственно романтического романа. Однако же в жанрологическом аспекте пушкинский замысел имеет немного общего со стерновским психологическим романом, сферой действия в котором является почти исключительно душевный мир героя (или героев). К тому же и на страницах романа Бульвера-Литтона, в отдельных фрагментах которого сатирическое начало вполне явно выражено, ирония встречается совсем не так редко.

Есть еще одна разновидность романа (оформившаяся, кстати говоря, как раз в период расцвета европейского романтизма), границы которой важно обнаружить в пушкинском плане “Русского Пелама”. Речь идет об историческом романе. Уже первый вдумчивый исследователь “Русского Пелама” П.В.Анненков заметил: “Рамки повести, судя по программам, захватывали целиком общественную летопись нашу в промежуток времени от 1818 по 1825 год...”¹⁵ Стало быть, в поле зрения романиста попадал последний этап правления Александра I, отмеченный значительным общественным движением, приведшим к событиям декабря 1825 года. Интерес к этому движению у Пушкина-прозаика проявился уже в наброске “Роман на Кавказских водах”¹⁶, где нетрудно вычислить прототип того персонажа, который в разных вариантах плана романа зовется то Кубовичем, то Якубовичем, а в авторских примечаниях — даже Кубовым. Прототип названного персонажа известен: это А.И.Якубович, знаменитый бретер, участник “четверной” дуэли (с А.С.Грибоедовым, В.В.Шереметевым и А.П.Завадовским), впоследствии член Северного общества и участник Декабрьского восстания. Кстати, во втором варианте плана “Романа на Кавказских водах” встречается и имя *Пелам* (Pelham).

Итак, замышлялся роман об Александровской эпохе. В планах встречается множество имен общеизвестных, вполне реальных лиц: граф Завадовский, Ал.Орлов, Кочубей, князь Шаховской, поэт Иван Козлов, балерина Истомина, Грибоедов, Мордвинов, общество *умных*, то есть декабристов (Илья Долгоруков, Сергей Трубецкой, Никита Муравьев) и др. Не позволяет ли все это говорить об интересе Пушкина-романиста к событиям историческим и стремлении художественно осмыслить их — словом, о подходе к историческому роману? Ведь подход к осмыслению и воплощению истории намечался и в предшествовавших набросках — таких, как, например, “В начале 1812 года полк наш стоял...” или “Записки молодого человека”.

“Новая программа, набросанная в виде списка характеров, с которыми предстоит столкнуться Пеламу, — пишет автор новейшей статьи о планах пушкинского романа, — показывает, что на новом этапе развития замысла романа в центре внимания Пушкина находится не история частной жизни (хотя и брат героя, и его приятель Федор Орлов в список внесены), а историческая эпоха...”¹⁷. Такого рода рассуждения выводят нас за рамки

собственно литературоведческого, в частности, жанрологического анализа. Ведь даже в историческом романе эпос частной жизни вымышленного главного героя вписывается в историческую эпоху, в значительной мере детерминируется ею, но тем не менее остается сам в центре внимания автора и читателя.

Вспомним к тому же об одном из отправных принципов исторического романа как жанровой разновидности: между романистом и описанными событиями должна быть временная дистанция. Вальтер Скотт в своем первом романе определил такую минимальную дистанцию в шестьдесят лет, но дело, конечно же, не в точных числах. Александровская эпоха не была отделена от Пушкина двумя-тремя поколениями. Это была **его эпоха**, а обозначенный период времени (1818-1825 гг.) был периодом его зрелости, первых значительных произведений, южной ссылки, переезда в Михайловское. Лишь ассоциацией со старшими Орловыми, а через них — с Екатерининской эпохой этот замысел входит в зону контакта с российской историей, а также и с исторической романистикой. Во всем прочем это нравоописательный роман о современной жизни — то, что соотечественники Вальтера Скотта называли бы привычной для них дефиницией — *novel of everyday life*.

Нравоописательная доминанта вовсе не исключает возможности жанрового синтеза и интеграции элементов разных романских модификаций в “Русском Пелаге”, если бы он был дописан в согласии с замыслом и планом. Однако роман, к сожалению, автором не был написан, и нам остается лишь судить о замысле и, в частности, о том, какое место занял сей замысел в эволюции Пушкина-романиста.

В попытках ответить на этот нелегкий вопрос было бы важно не столько связать “Русского Пелаге” с другими наметками “светских повестей” и, может быть, единственной состоявшейся светской повестью — “Пиковой дамой”, сколько поставить обсуждаемый замысел в общий ряд с двумя написанными Пушкиным романами — “Евгением Онегиным” и “Капитанской дочкой”.

“Русский Пелаг” не только хронологически находится на пути от “Евгения Онегина” к “Капитанской дочке”. Есть в написанных главах и планах отдельные моменты, заставляющие вспомнить поэтический роман: и реминисценции о воспитании героя в первой главе, напоминающие хрестоматийные места из первой главы “Онегина”, и беглое упоминание об “обществе умных” в плане прозаического романа, ассоциируемое с десятой главой “Евгения Онегина”, и кое-что другое. Вместе с тем встречаются здесь и моменты, содержащие указания на фигуры и обстоятельства, схожие с персонажами и фрагментами “Капитанской дочки”. Можно согласиться с Еленой Гладковой, утверждавшей, что “многие детали из брошенного “Русского Пелаге” были использованы в “Капитанской дочке”¹⁸. Достаточно вспомнить хотя бы имя камердинера героя, называемое в первой главе романа, — “Старый Савельич”.

По жанровой природе “Русский Пелаг” никак не подходит на роль

“заготовки” к “Капитанской дочке”. Дело, пожалуй, в другом. Пушкин, рассуждая о двух традициях, идущих от Лесажа и Вальтера Скотта, имел в виду вполне конкретные популярные жанровые разновидности — нравоописательный и исторический роман. Замысел прозаического нравоописательного романа с чрезвычайно широким охватом действительности вынашивался Пушкиным, но был отодвинут в середине 1830-х годов его сильными историческими интересами и тяготением к историческому роману. Можно вполне солидаризироваться с мыслью Л.С.Сидякова: “В поздней прозе Пушкина “Русский Пелам” и “Капитанская дочка” должны были, по-видимому, представлять обе, с точки зрения Пушкина, наиболее плодотворные романские традиции...”¹⁹. Быть может, только преждевременная гибель писателя развела эти названия по разные стороны границы между литературным бытием и небытием. “Капитанская дочка” стала важнейшей вехой в русской исторической романистике, а “Русскому Пеламу” суждено было остаться в ранге интересного, но — увы! — неосуществленного замысла.

Примечания:

- ¹ См. подробнее: Гладкова Елена. Прозаические наброски Пушкина из жизни “света”. IN: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. Вып. 6. М.-Л., 1941, с. 306-362.
- ² См.: Анненков П.В. Литературные проекты А.С.Пушкина. IN: П.В.Анненков и его друзья. Литературные воспоминания и переписка 1835-1885 годов. СПб., 1892, с. 451-472.
- ³ Сидяков Л.С. Художественная проза А.С.Пушкина. Рига, 1973, с. 149.
- ⁴ Поварнин С.И. “Русский Пелам” А.С.Пушкина. IN: Памяти А.С.Пушкина. Сб. статей. СПб., 1900, с. 329-350.
- ⁵ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. В 6 томах. М., 1949, т. 4, с. 391. Дальнейшие ссылки в тексте по этому изданию.
- ⁶ Бульвер-Литтон Э. Пелэм, или Приключения джентльмена. М., 1958. Дальнейшие ссылки в тексте по этому же изданию.
- ⁷ Пушкин А.С, *ibidem*, т. 3. М., 1950, с. 12.
- ⁸ Казанцев П.М. К изучению “Русского Пелама” А.С.Пушкина. IN: Временник Пушкинской комиссии АН СССР. Л., 1967, с. 21.
- ⁹ Столь же необоснованной можно счесть и полярного свойства попытку охарактеризовать план “Русского Пелама” как замысел “бытового романа” (Петрунина Н.Н. Проза Пушкина (пути эволюции). Л., 1987, с. 166).

Впрочем, сколь бы ни были случайны некоторые жанровые дефиниции, их разброс говорит лишь о широте жанрового диапазона пушкинского замысла.

- ¹⁰ Пушкин А.С, *ibidem*, т. 5. М., 1950, с. 313.
- ¹¹ Переверзев В.Ф. У истоков русского реализма. М., 1969, с. 57-88.
- ¹² Чичерин А.В. Возникновение романа-эпопеи. М., 1975, с. 113.
- ¹³ Об интересе Пушкина к Стерну см.: Соколянский М.Г. Литература английского Просвещения в оценках А.С.Пушкина. IN: Вопросы русской литературы. Респ. межведомств. сб. Вып. 1 (10). Львов, 1969, с. 53-60.
- ¹⁴ Перминова Г. Концепция природы и функции пейзажа в романах Э.Бульвер-Литтона 1823-1824 годов. IN: Проблемы фона и атмосферы в зарубежных литературах. Тарту, 1989, с. 65.
- ¹⁵ Анненков П.В, *ibidem*, с. 466.
- ¹⁶ Не является натяжкой аналогия с романом В.Скотта "Сент-Роннанские воды", проводимая некоторыми исследователями (см., например: Измайлов Н.В. Роман на Кавказских водах. Невыполненный замысел Пушкина. IN: Пушкин и его современники. Вып. XXXVII. Л., 1928, с. 68.
- ¹⁷ Романов Н.М. Эволюция пушкинского замысла о Пелымове. IN: Русская литература, 1981, № 4, с. 196.
- ¹⁸ Гладкова Е., *ibidem*, с. 320. См. также Романов Н.М., *ibidem*, с. 200.
- ¹⁹ Сидяков Л.С, *ibidem*, с. 153.